

*Р. В. Гайдамашко, Ю. А. Шкураток***СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КОМИ-ЯЗЬВИНСКОГО ЯЗЫКА***

В статье на основе полевых записей 2017–2018 гг., результатов социолингвистического анкетирования и личных наблюдений предпринимается попытка описать современное состояние коми-язьвинского языка. Основная часть статьи предварена кратким обзором мнений ученых относительно статуса коми-язьвинского идиома и обоснованием используемого в работе термина «коми-язьвинский язык». Приводится информация о численности коми-язьвинцев по данным переписей и оценивается число носителей языка в настоящее время, делается вывод о стремительном сокращении численности населения, говорящего на коми-язьвинском языке, во второй половине XX в. В статье описываются процессы возрождения национальной культуры и формирования этнического самосознания коми-язьвинцев «сверху» в 1990-е – 2000-е гг. Подробно анализируются проблема преподавания родного языка в школе и состояние издательской деятельности на коми-язьвинском языке. В работе раскрываются результаты социолингвистического анкетирования, которое содержит ряд вопросов, касающихся собственно этноязыковой ситуации (включая и этническое самосознание). Все разделы статьи сопровождаются иллюстрациями из полевых записей авторов 2017–2018 гг. На основе приведенных данных в заключении оценивается современное состояние коми-язьвинского языка. С точки зрения жизнеспособности по шкале ЮНЕСКО, коми-язьвинский язык относится к языкам, находящимся на грани исчезновения. В завершение на обсуждение вынесены некоторые возможные меры по поддержке и сохранению этого языка.

Ключевые слова: коми-язьвинский язык, полевые записи, социолингвистика, сохранение языка.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-576-590

1. Введение

Бассейн реки Язьвы (левый приток Вишеры, левого притока Камы), водосборная площадь которого занимает 5900 км², поделен между двумя районами Пермского края – Красновишерским и Соликамским. В среднем течении реки (сейчас полностью в пределах Красновишерского района), на значительном расстоянии от двух основных коми языковых массивов, проживает этнолокальная группа язьвинских коми (иначе – коми-язьвинцы, язьвинцы, язьвинские пермяки).

Проживающие на северо-востоке Пермского края коми-язьвинцы являются остатками большой этнической группы коми, локализованной в низовьях Колвы, Вишеры, по берегам Камы (территория исторической Перми Великой). По всей видимости, в связи с быстрым притоком населения с Русского Севера в конце XVI–XVII вв. большая часть носителей коми языка была ассимилирована и в верховьях Язьвы сложилась изолированная общность коми-язьвинцев [Чагин 2018, 182]. Отрыв от остального коми диалектного континуума, конфессиональная обособленность (язьвинцы до сих пор исповедуют старообрядчество беглопоповского толка в окружении традиционного православия) способствовали не только формированию и закреплению особых языковых черт, отличающих коми-язьвинский идиом от всех остальных языков и диалектов коми, но и сохранению этой особой этнической общности до начала XXI в.

История целенаправленного изучения коми-язьвинцев насчитывает около 130 лет. Несмотря на то, что языку и традиционной культуре язьвинских пермяков посвящено относительно большое количество специальных работ (уже в 2002 г. Г. Н. Чагин насчитывал почти 120 публикаций [Чагин 2002, 4] – и даже эта цифра кажется нам заниженной, – а с тех пор их число только возросло), среди языковедов и историков по-прежнему нет единого мнения относительно статуса коми-язьвинского идиома.

* Авторская работа Р. В. Гайдамашко выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России», № 17-29-09097(офи_м). Авторская работа Ю. А. Шкураток выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт лексикографического описания», № 18-012-00750(а). Авторы признательны А. С. Лобановой за ряд ценных комментариев к черновым вариантам текста и А. В. Кротовой-Гариной – за неоценимую помощь в проведении экспедиций.

Одни исследователи полагают, что этот идиом имеет особенности, значительно отличающие его и от коми-пермяцкого, и от коми-зырянского, позволяя считать его отдельным языком. Другие склонны называть его наречием коми-пермяцкого языка. В различных работах также сильно разнятся данные о количестве носителей.

Цель настоящего исследования – на основе полевых записей последних лет, а также результатов социолингвистического анкетирования и личных наблюдений описать современное состояние коми-язьвинского языка. Помимо этого, на обсуждение выносятся некоторые возможные меры по поддержке и сохранению этого языка.

2. К обоснованию понятия «коми-язьвинский язык»

В. И. Лыткин, проведший несколько экспедиций к язьвинцам на рубеже 1940–1950-х гг., неоднократно характеризовал язьвинский идиом как равно далеко отстоящий и от зырянского, и от пермяцкого, но при этом выбирал осторожную формулировку «коми-язьвинский диалект»; см., напр.: «Коми-язьвинский диалект стоит дальше от коми-пермяцкого и коми-зырянского литературных языков, чем эти последние друг от друга» [Лыткин 1955, 6]; «...около 4000 человек, говорящих на особом диалекте языка коми, отличающемся как от коми-пермяцкого, так и от коми-зырянского наречий» [Лыткин 1961, 3]. Ср. однако с позицией, высказанной в коллективной монографии «Основы финно-угорского языкознания»: «...говоры населения, именующего свой язык коми, объединяются <...> в три наречия: коми-зырянские, коми-пермяцкие и коми-язьвинские» [Тепляшина, Лыткин 1976, 106].

На протяжении более 130 лет изучения коми-язьвинцев выдвигалось множество различных точек зрения на статус коми-язьвинского идиома; приведем лишь некоторые из них:

- восточно-пермяцкий диалект – *die ost-permische Mundart* [Genetz 1897];
- коми-язьвинский диалект (одинаково далеко отстоящий от коми-зырянского и коми-пермяцкого) [Лыткин 1955, 6; 1961, 3];
- восточно-пермяцкий диалект – *keleti permjåk nyelvjárás* (вслед за А. Генетцем) [Kövesi 1965, 9];
- коми-язьвинский язык (один из четырех языков пермской группы) [Кривошекова-Гантман 2006 (1969), 90];
- коми-язьвинское наречие (наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким, но одинаково далеко отстоящее от них обоих) [Тепляшина, Лыткин 1976, 106];
- коми-язьвинское наречие (одна из трех разных в языковом отношении групп) [Хайду 1985, 54];
- диалект коми языка (наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким) [Туркин 1995, 288];
- язьвинский диалект (хотя и считается коми-пермяцким, на самом деле может быть противопоставлен всем остальным коми диалектам) [Напольских 1997, 58–59];
- коми-язьвинский тополект – *Jažvan komi päämurre* (наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким) [Bartens 2000, 9];
- коми-язьвинское наречие (одно из четырех наречий коми-пермяцкого языка) [Баталова 2002, 134];
- коми-язьвинский язык (четвертый язык пермской группы) [Чагин 2002, 26];
- коми-язьвинский язык («я вполне могу разделять желание носителей коми-язьвинского наречия выделить свою речь в качестве самостоятельного языка, отличного как от коми-зырянского, так и от коми-пермяцкого (это их священное право!)») [Кельмаков 2004, 145];
- восточно-пермяцкий (язьвинский) диалект – *ostpermjakischer (Jazva-)Dialekt* (одна из трех групп зырянских диалектов) [Csúcs 2005, 20];
- коми-язьвинское наречие (одно из трех наречий коми диалектного континуума) [Цыпанов 2008, 72];
- коми-язьвинский язык [Усачёва 2019, 151].

Несмотря на близость всех трех «наречий коми диалектного континуума», изолированность коми-язьвинцев от остальных групп коми, приведшая к формированию особого этнического самосознания, а также специфические черты вокализма и грамматики делают невозможным использование язьвинцами как коми-пермяцкого, так и коми-зырянского литературных языков (см. далее 4).

В морфологическом и лексическом отношении коми-язьвинский язык имеет большие сходства с коми-пермяцкими говорами и в меньшей степени – с коми-зырянскими. Основные отличия коми-язьвинского языка сосредоточены в области фонетики.

Коми-язьвинский язык выделяется: «а) наличием особых гласных фонем, отсутствующих в других коми диалектах; б) специфическими особенностями произношения некоторых фонем; в) наличием ряда специфических фонетических закономерностей в области гласных и г) особой, чрезвычайно оригинальной системой ударения» [Лыткин 1961, 24]. (Позднее Р. М. Баталова [1975, 90] показала неуникальность коми-язьвинского ударения, называемого В. И. Лыткиным «качественно-вокальным», в пермских языках, зафиксировав его в оньковском и нижнеиньвенском диалектах южного наречия коми-пермяцкого языка.)

В коми-язьвинском языке имеются две гласные фонемы, отсутствующие во всех остальных диалектах коми языка. По традиции, восходящей к труду А. Генетца [1897], для неогубленного гласного средне-заднего ряда, верхнего подъема используется графема *o*, а огубленный гласный средне-переднего ряда, верхнего подъема, начиная с работы В. И. Лыткина [1961], обозначается графемой *ȯ*. В дальнейшем именно эти две буквы употреблялись всеми исследователями и были включены в алфавит при разработке письменности. (В. К. Кельмаков [2004, 137] считает, что выбор знака *o* для обозначения неогубленного гласного средне-заднего ряда, верхнего подъема, является неудачным, так как в других алфавитах на основе кириллицы он никогда не употребляется в такой функции.)

Кроме того, для передачи сильно огубленного гласного средне-переднего ряда, среднего подъема В. И. Лыткин [1961] в академическом описании использовал кириллический знак с диакритикой *ŏ*. Впоследствии при создании алфавита для обозначения этой фонемы была использована буква *ö*.

Добавим также, что коми-язьвинский язык отличается от других коми языков наличием не только 8-фонемной архаичной системы гласных и «качественно-вокального» ударения, но и некоторой базисной лексики, сближающей его с другими финно-угорскими языками.

Существенный вклад в повышение статуса коми-язьвинского идиома внесла работа по его нормализации. Основы этой нормы были заложены изданием двух исследований, содержащих словарные материалы, грамматические очерки и тексты [Genetz 1897 ; Лыткин 1961], букваря [Паршакова 2003], хрестоматии [Паршакова 2008], русско-коми-язьвинского словаря [Любанова, Кичигина 2012] и другой учебной и учебно-методической литературы начала XXI в. (см. далее б).

3. Численность коми-язьвинцев по данным переписей до 2010 г.

Данные переписей до середины XX в. обработаны В. И. Лыткиным и представлены во Введении к его книге «Коми-язьвинский диалект». Согласно наблюдениям В. И. Лыткина, наблюдался последовательный рост населения в районе Верхнеязьвинского куста населенных пунктов: так, например, в 1909 г. отмечено 3668 чел., в 1949 г. – уже около 4700 [Лыткин 1961, 14]. При этом, разумеется, следует помнить, что не всё население Верхнеязьвинского куста было носителями коми-язьвинского языка – например, по данным Всесоюзной переписи 1926 г., в пределах бассейна камской Вишеры «пермяками» по языку (т. е. носителями коми-язьвинского идиома) записались 3163 чел. [Народы Пермского края 2014, 238].

В более поздних переписях населения и при выдаче паспорта коми-язьвинцев записывали русскими.

В 2002 г. в Красновишерском р-не Пермской обл. коми-пермяками записались 198 чел. и 688 чел. отнесли себя к коми [Там же]. По другим, более оптимистичным данным, в начале XXI в. «численность коми-язьвинцев в Пермском крае составляет около 2,5 тыс.» [Чагин, Шестакова 2008, 103] (заметим – во всем Пермском крае и без указания количества владеющих родным языком).

Этнограф А. В. Черных в описании комиязычных жителей верховьев Язьвы ссылается на данные переписи 2010 г.: «Коми-язьвинцы, или язьвинские пермяки, коренная этническая общность в Прикамье, в конце XIX – начале XX века обозначались этнонимом «пермяки», который сохраняется в народной речи и сегодня. По итогам переписи 2010 г., в Пермском крае коми-язьвинцами записались 436 человек. <...> Носители языка остаются в селе Верх-Язьва, деревнях Паршакова, Антипина, Ванькова и других» [Народы Пермского края 2014, 237].

В работе 2016 г. «Коми-язьвинцы, их этническая территория и численность» Г. Н. Чагин указывает следующую информацию: в 2012 г. в Верх-Язьвинском сельском поселении проживало 2767 чел., из которых около 2 тыс. чел. – коренное население. В целом, включая коми-язьвинцев, живущих в

Красновишерске, их численность составляет около 5 тыс. чел. В сноске к этой работе есть пояснение, что такой показатель образует численность людей, родившихся и живущих в населенных пунктах Верх-Язьвы, а также тех, кто переехал в город Красновишерск, при этом «установить среди них численность людей, знающих коми-язьвинский язык, не представляется возможным» [Чагин 2016, 16]. Результаты переписи 2010 г., показавшей 436 чел., записавшихся коми-язьвинцами, являются, на его взгляд, следствием «оживленного движения последних двух десятилетий по возрождению языка и традиций народа» [Там же].

В 2018 г. Г. Н. Чагин приводит несколько иные данные: «По данным администрации Верх-Язьвинского сельского поселения, в 2015 г. на коми-язьвинской этнической территории сохранялось 24 населенных пункта, в которых насчитывалось 1178 хозяйств и 3240 чел. Доля коми-язьвинцев составляет почти 80 процентов. В 11 деревнях всё население говорит на родном языке. При этом заметим, что численность коми-язьвинцев в г. Красновишерске определить практически невозможно. Но сам народ убежден, что в городе проживает не менее двух тысяч человек» [Чагин 2018, 182]. По его мнению, «в наше время коми-язьвинцы обладают тремя идентичностями: языковой, этнической и региональной. Они осознают свою древнюю этническую территорию от с. Верх-Язьва до д. Коновалова» [Там же, 183].

Как видим, количество владеющих в настоящее время коми-язьвинским языком оценивается по-разному. В любом случае, основанные на личных наблюдениях современной финской исследовательницы Р. Бартенс подсчеты, что коми-язьвинским на рубеже тысячелетий владело всего лишь несколько десятков человек старшего поколения [Bartens 2000, 32], очевидно, близки к реальной ситуации, если учитывать только активных носителей языка, живущих на территории Верх-Язьвинского сельского поселения. Количество пассивных билингвов на данной территории и коми-язьвинцев, проживающих в крупных населенных пунктах Пермского края и за его пределами и поэтому редко использующих родной язык, безусловно, выше.

По данным наших экспедиций 2017 и 2018 гг., носители коми-язьвинского языка все еще проживают в селе Верх-Язьва и относительно крупных поселках, а также в «пермяцкой стороне» – по р. Язьва до дер. Ваньковой. (Деревня Коновалова хотя формально и является жилой, но в ней отсутствует электричество, и местными жителями она осознается как заброшенная.) В крупных населенных пунктах носителями коми-язьвинского языка являются люди старшего поколения, приехавшие из деревень.

Как бы то ни было, согласно официальным данным переписей, отмечающих сокращение численности коми в бассейне Язьвы за 84 года (от Всесоюзной переписи 1926 г. до Всероссийской переписи 2010 г.) более чем в 7 раз (с 3163 до 436), мы наблюдаем стремительное угасание коми-язьвинского языка.

4. Возрождение национальной культуры и аспекты этнического самосознания

Как было указано выше (см. 3), в течение советского времени коми-язьвинцы как особая этническая общность не учитывались при переписях и обозначались в документах русскими: *У нас как бы по национальности все пишут русские, ну, щас же не ставят национальность, а раньше. У меня и в свидетельстве о рождении там «русская» написано. Это уже щас стали, которые хотят как себя к коми-язьвинцам, а так-то вообще называли, русские что мы* [ПМ-2018: Антипина].

Культурное возрождение коми-язьвинцев и формирование национальной идентичности началось в 1990-е гг. и связано прежде всего с деятельностью Г. Н. Чагина. Он внес значительный вклад в историю изучения культуры коми-язьвинцев: во многом благодаря его усилиям этот народ был признан в финно-угорском мире.

Этот процесс отражен в воспоминаниях жительницы дер. Ваньковой 1963 г. р.: [*Это Вы сейчас называете язык коми-язьвинским, а раньше ведь не так называли?*] *Просто комиками так называли нас и всё, я не знаю. Это потом уже действительно, потом, этот, профессор, так нас назвал. [Называли коми или коми-пермяки?] Коми. Просто коми. [Пермяки не говорили?] Не, просто говорили коми. Комин байтам. То есть коми разговариваем, по-коми. Это уже действительно потом он говорил, что коми-язьвинцы мы. [Это кто? Чагин?] Да, Чагин. Он же изучал. Я помню, мы еще маленькие были, жили вон там. Он по дороге там подошёл и попросил попить. А я пока его и не знала. А он потом и задаёт нам вопросы: «Вы на каком языке разговариваете?» Мы говорим: «На коми». – «А вы не знаете, что вы коми-язьвинцы? Вы ж не коми-пермяки». – «А почему мы коми-язьвинцы?» – «А*

потому что у вас отличается говор с пермяками». Вот это вот он нам. Я помню это прекрасно, момент, когда он это нам объяснил [ПМ-2018: Ванькова].

С 22 мая 1994 г. при активной роли Г. Н. Чагина в д. Антипина ежегодно отмечается национальный праздник коми-язьвинцев «Сарчик приносит весну». Однако, в отличие от исконного праздника, который справлялся в кругу семьи и соседей, возрожденный праздник носит фестивальный характер и не всеми жителями оценивается положительно. Роль коми-язьвинского языка при проведении праздника остается небольшой: *Обряд-то именно проводится ведущим на русском языке в основном. Ну, тот же Сарчик. На Сарчике Ирина Ивановна Калинина, она говорила на коми-язьвинском, а остальные в основном всё на русском, её переводили* [ПМ-2018: Ванькова].

Г. Н. Чагиным на рубеже веков указывалось, что «в самосознании нынешних коми-язьвинцев удерживается представление о том, что их родной язык отличается от коми-пермяцкого» [Чагин 2002, 12]. Показательны записанные им отрывки живой речи: *«пишемся теперь русскими, но мы стали ими недавно. Мы и не коми-пермяки, ими-то никогда и не были, коми-пермяки живут в Кудымкаре. Пермяцкий язык – наш родной, и считаемся пермяками»* [Там же, 4]; *«Наш язык с коми-пермяцким не сходится, слова есть разные. У них ударение другое, какое-то большое, нам его трудно понять»* [Чагин 2011, 71]; *«Коми-пермяками себя не считаем, у них в Кудымкаре свой язык. У нас у пермяков тоже свой язык»* [Там же, 72].

5. Проблемы преподавания

Первые попытки преподавания среди коми-язьвинцев родного языка были предприняты в 1930-е гг. Планировалось обучать школьников окружному (основному) коми-пермяцкому языку. Из Кудымкара были присланы преподаватели с учебными материалами по коми-пермяцкому языку, которые, однако, не были восприняты учащимися.

Из разговоров с местными жителями Е. М. Сморгуновой «удалось узнать, что в 1939 г. в д. Антипина учитель Андрей Корнилович Мелюхин учил язвинских детей местному языку, сам придумывал стихи, разучивал песни. У него была азбука на русской основе, тексты отражали местные диалектные особенности» [Сморгунова 2002, 102]. Занятия продолжались всего два года, до начала войны, когда А. К. Мелюхин ушел на фронт и погиб.

Судя по всему, до конца XX столетия проблема преподавания родного языка в школе никогда не вставала. Как отмечает А. С. Лобанова, обучающимся в 1980-е гг. студентам Коми-пермяцко-русского отделения Пермского педагогического института не рассказывали о язвинцах, равно как и о зюздинцах.

Многие информанты вспоминали, что им запрещали говорить в школе на родном языке: *Ну, в школе-то понятно, все на русском, у нас тогда, нам вообще, наоборот, запрещали разговаривать в школе* [ПМ-2018: Антипина]. *Нас очень сильно ругали, помню, в первый класс мы пришли, и мы по-русски не умели разговаривать, за это в школе ругали нас. На переменках. Где-то услышит только педагог – всё, ругали очень сильно. Мы русские, и русские все. Значит, разговаривать по-русски должны* [ПМ-2018: Верх-Язьва].

Именно школьными учителями, и в том числе Паршаковской школы, внушалась коми-язьвинским детям мысль о непрестижности языка: *Да знаете, когда мы учились <...> я в 70-м в первый класс пошла, потом в 4-й класс пошла в Антипино учиться, вот там нас презирали, не давали разговаривать на коми-язьвинском языке, просто не давали, поэтому мы очень много стали потом забывать, очень много мы забыли, и слов, и вообще это всё. Но потом постепенно что-то бы восстанавливали, и вот букварь, та же Анна Лазаревна, которая у нас преподавала, Лидия Николаевна, все нам запрещали, а потом они же всё обратно это восстанавливали, а вот поколение-то мы выросли, мы же это всё потеряли, сколько всего потеряли, вот так вот* [ПМ-2018: Ванькова].

Говорящих на коми-язьвинском языке детей нередко дразнили и другие школьники: *Вот учим букву, например, П. Учительница скажет: <...> «Так, придумайте, дети, слово на букву П». Руку тянет. Спрашивает учительница, умирали смеялись потом в классе. «Перна». То бишь крест. На букву П, называется. По-деревенски «перна». А потом вторая, тоже букву Ц изучали. «Кто на рисунке?» Девочка тоже руку тянет. «Ну-ка, Парасковья, скажи, кто тут нарисован?» – «Чилички». Цыплята-та. И вот у неё кличка была Чиличка Куроговна. Курица «курөг» по-деревенски, раз «чильки» сказала, птица дак, Чиличка Куроговна. И вот так она и школу закончила...* [ПМ-2017: Верх-Язьва].

Движение за возрождение и популяризацию коми-язьвинской традиционной культуры и языка в 1990-е гг. (см. выше 4) подтолкнуло директора Антипинской школы Л. Н. Антипину с 1995 г. начать

преподавание факультатива по истории, культуре и языку коми-язьвинцев [Чагин 2015, 339]. С 1999 г. учитель начальных классов Анна Лазаревна Паршакова взялась за преподавание родного языка в 3, 5 и 6 классах. С учащимися 9 и 10 классов занималась по их желанию. Она же составила учебную программу и программу теоретического планирования изучения родного языка, рассчитанную на два года. Эти методические разработки были утверждены педагогическим советом [Паршакова 2002, 105]. Курс родного языка в качестве учебного предмета был введен в три школы: Паршаковскую, Верх-Язьвинскую и Колчимскую.

Преподавателям Коми-пермяцко-русского отделения Пермского педагогического университета было поручено подготовить программы курсов по повышению квалификации учителей, приступивших к преподаванию коми-язьвинского языка; поступили заказы на разработку самых необходимых методических пособий. Кандидаты наук неделями жили в Красновишерском районе и индивидуально вели занятия по коми-язьвинскому языку с учителями.

В ходе обучения постепенно школьники овладевали грамотой на родном языке, но в результате введения обязательного ЕГЭ преподавание языка было сокращено с четырех часов в неделю до одного факультативного. Сегодня на своем языке коми-язьвинские дети говорят в двух школах (Паршаковской и Верх-Язьвинской) на факультативных занятиях, и, по наблюдениям А. С. Лобановой, ни один из них не является активным носителем языка своих предков.

Не все язьвинцы относятся к изучению языка в школе положительно. Некоторые информанты считают, что преподавание в рамках факультатива не спасет язык, потому что дома дети на коми-язьвинском уже не разговаривают: *А щас силком заставляють учить, понятно, что им не интересно. Зачем?* [Жена информанта добавляет] *Я и говорю, если дома не разговаривают, ребёнку это будет неинтересно, он не понимает. Если она знает, что ей английский надо учить, потому что она будет сдавать экзамены, она его будет учить. А если вот так, зачем?* [ПМ-2018: Верх-Язьва].

Необязательный характер обучения позволяет не ходить на занятия даже тем детям, в чьих семьях язык всё еще используется: *[А сын Ваш в школе уже только по-русски, да, учился?] Ну, они, да, русский язык; изучали, но у них факультет-то был. <...> Да, он [младший сын] больно-то и не ходил на этот язык. Кристина-то, я помню, она ходила, этот факультет, и Костя, а он-то уже, наверняка, игнорировал, наверное* [ПМ-2018: Ванькова].

6. Проблемы издательской деятельности

Начало преподавания побудило А. Л. Паршакову начать разработку «Коми-язьвинского букваря». Инициатива была поддержана Администрацией тогда еще Пермской области, и первое учебное пособие на языке коми-язьвинцев – Букварь – был издан 1 сентября 2003 года [Паршакова 2003].

Восторженную оценку букварь получил от Г. Н. Чагина: «Знаменательным событием в истории родного языка коми-язьвинцев явился выход двух книг – букваря и книги для чтения [Паршакова 2003; 2008]. О значении первой из них так отзывается учитель русского и коми-язьвинского языков и литературы Верх-Язьвинской средней школы К. С. Кичигина: “Хочется сказать, что Букварь, написанный практически на уровне интуиции Анной Лазаревной Паршаковой, еще до детального изучения языка, явился нашей первой книгой, и в нем гениально угаданы те тонкости языка, которые впоследствии дали возможность ученым установить основные особенности, составляющие изюминку, придающие неповторимое звучание языку коми-язьвинцев”» [Чагин 2012, 14–15].

Выпущенный букварь, впрочем, был подвергнут резкой (и обоснованной) критике удмуртским ученым В. К. Кельмаковым за графические решения, противоречащие традициям создания алфавитов финно-угорских народов, непоследовательность, отсутствие графического, орфографического, лексического и грамматического единообразия, а также за многочисленные ошибки и опiski [Кельмаков 2004]. Во время экспедиции 2018 г. на спорные моменты графики букваря в личных беседах сетовали и учителя.

Возникшие при составлении учебных пособий трудности отмечала и сама А. Л. Паршакова: «Думаю, что с букварем я взяла на себя очень большую ответственность и, наверно, сделала ошибки. Лексика очень трудная и подобрать слово порой затруднительно. При этом одно и то же слово употребляется при разных значениях» [Чагин 2015, 342].

Сложности при создании алфавита и выработке единой орфографической системы во многом обусловлены особенностями коми-язьвинского языка. Даже опытный лингвист, специалист по коми диалектам В. И. Лыткин так описывал работу по записи коми-язьвинской речи: «Этот специфический

звук коми-язьвинского диалекта мы долгое время не могли уловить как особую фонему. Разные комбинаторные варианты фонемы *ə* сначала мы воспринимали различно, приравнивая к нашему фонетическому багажу (имеется в виду система коми-зырянского и русского языков)» [Лыткин 1961, 25]. В словах *кортá* 'хлев' и *бейáр* 'богатый' это *ə* воспринимается как *a*, в словах *гóртə* 'домой', *соч'ч'эм* 'сгорело' слышится коми-зырянский *ö*, в слове *турóн* 'трава' звук *ə* воспринимается как *у*, в уменьшительном суффиксе *-өл* (*күзөл* 'длинноватый', *пэмөл* 'горячеватый') как *o* [Там же, 26].

При создании литературной нормы приходится учитывать и некоторые специфические фонетические явления коми-язьвинского языка: стремление к устранению зияния, прогрессивную ассимиляцию лабиализованных гласных, которая свойственна ряду говоров (антипинско-паршаковское *турóн* 'трава' – *турəн* в других говорах) [Там же, 32].

Существующие объективные трудности в описании коми-язьвинской фонетики побудили В. К. Кельмакова сделать вывод о том, что «без соответствующей предварительной работы по описанию и нормированию фонетической системы, грамматического строя и лексического богатства коми-язьвинского языка (разумеется, с определенной оглядкой на другие коми/пермские языки) любые издания на этом языке обречены на провал, поскольку не будет достигнуто графическое, орфографическое, лексическое и грамматическое единообразие не только в пределах одного издания (что имеет место в рецензируемом Букваре), но и во всей печатной продукции на языке коми-язьвинцев» [Кельмаков 2004, 145].

Впоследствии А. Л. Паршаковой была составлена и «Книга для чтения: хрестоматия на коми-язьвинском языке» [Паршакова 2008]. К сожалению, это пособие рассчитано на детей, для которых коми-язьвинский язык является родным: оно не содержит даже ударений, что делает проблематичным его использование при работе с современными школьниками. У жителей села Верх-Язьва во время экспедиции 2017 г. мы видели это издание с проставленными от руки ударениями.

Взрослые информанты отмечают, что система графики этих изданий для них сложна: *Очень трудное, это Анна Лазаревна составила букварь. Вообще в разговорной-то речи слова как бы это, а там буквы-то такие. Купили книгу, был Сарчик, очень трудно читать её. Ну, как вникнешь, потом это. Ну какие-то буквы там... Так-то 33 буквы, а она 36 букв <...> в этом языке. Тяжело читается* [ПМ-2018: Антипина].

Параллельно с подготовкой и изданием букваря и хрестоматии сотрудники Пермского педагогического университета разрабатывали основы коми-язьвинской нормы. С 2003 по 2008 гг. было подготовлено и издано 9 учебных и учебно-методических пособий. Начали выходить и научные публикации, посвященные отдельным аспектам коми-язьвинского языка (например [Пономарева 2005]).

Последним заказом Администрации уже Пермского края стали разработка и издание школьного «Русско-коми-язьвинского словаря». Этот проект был завершен в 2012 г. [Лобанова, Кичигина 2012]. Словарь составили А. С. Лобанова, доцент Пермского педагогического университета, и К. С. Кичигина, учительница Верх-Язьвинской школы, до сих пор ведущая небольшие факультативные занятия в младших классах.

В районной газете «Красная Вишера» до недавних пор выходила ежемесячная полоса «Народные традиции», отражающая основные события в жизни коми-язьвинцев. Половина текста приложения была написана на коми-язьвинском языке.

7. Социолингвистическая ситуация по результатам экспедиций и анкетирования

Несмотря на то, что экспедиция 2017 г., проводившаяся в Верх-Язьвинском сельском поселении, имела цели, отличные от проблематики данной статьи (сбор топонимии и мифологических текстов на русском языке), в ходе работы постоянно возникала тема родного для многих информантов старшего возраста коми-язьвинского языка и его статуса. Во время экспедиции 2018 г. производился целенаправленный сбор языкового материала в населенных пунктах Антипина, Арефина, Ванькова, Верх-Язьва, Горца (ныне часть с. Верх-Язьва), Паршакова, Талавол. Проводились беседы с местными старожилками (то есть коренными жителями бассейна Язьвы на протяжении последних нескольких поколений), которые записывались на аудио- и – реже – на видеоносители. Всего был опрошен 21 информант, записано около 32 часов живой речи. При большинстве бесед топографические карты (километровки по масштабу) заполнялись топонимами, а специальные анкеты – социолингвистическими данными.

Социолингвистическая анкета была предоставлена сотрудниками Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, которые разработали ее на основе анкет О. А. Казакевич. Кроме стандартных вопросов о фамилии, имени, отчестве, годе рождения, месте рождения и постоянного проживания, месте/местах работы, специальности, образования и т. п., анкета содержит ряд вопросов, касающихся собственно этноязыковой ситуации (включая и этнического самосознания).

Для заполнения анкеты отбирались только люди, прочно отождествляющие себя с носителями язьвинской культуры и языка. По результатам экспедиции 2018 г. было заполнено 11 анкет. Небольшое количество полученных результатов связано и с традиционной настороженностью старообрядческого населения к чужакам, и с рассредоточенностью оставшихся носителей коми-язьвинского языка в отдаленных друг от друга населенных пунктах. Разумеется, этого количества ничтожно мало для качественной статистической выборки и получения каких-то серьезных результатов, но даже на основе такого количества информации можно увидеть срез насущных проблем, связанных с быстрым угасанием идиома.

Рассмотрим далее некоторые данные и полученные на отдельные вопросы ответы.

Распределение по полу: женщин 8, мужчин 3.

Годы рождения: 1930, 1931, 1935 (двое), 1938, 1945 (двое), 1956, 1957, 1961, 1970.

Родной язык: все указали «пермяцкий».

Национальность: «русский» – 5, «пермяк» – 2, затруднились ответить – 4.

Аналогичная ситуация с ответами на вопросы и о родном языке, и о национальности родителей и предков – чаще встречается соотношение «родной язык – пермяцкий, национальность – русский», чем соотношение «родной язык – пермяцкий, национальность – пермяк».

На вопрос: «Слышали ли Вы в детстве, чтобы Ваши родные, или знакомые, или соседи говорили на языке?» – часто давался ответ: «*почти все вокруг говорили по-пермяцки*».

Различными были ответы на вопрос: «В Вашей школе учились дети разных национальностей?»: «*только пермяки*», «*в основном пермяки*», «*и те, и другие*» – в единственном случае встретилось упоминание татар.

Различной была также ситуация с восприятием язьвинского идиома в школе (вопрос «Запрещали ли Вам в школе использовать родной язык?»): «да» – 4, «нет» – 4, затруднились ответить – 2. Единжды получен ответ: «*в школе не с кем было общаться на родном языке*».

В 100 % случаев на вопрос: «Есть ли у Вас доступ к литературе на родном языке?» – были получены отрицательные ответы.

Оценка уровня владения языком: «понимаю со слуха» – отлично 6, неплохо 1, с трудом 1, «читаю» – с трудом 8, «говорю» – отлично 6, неплохо 1, с трудом 1, «пишу» – с трудом 8.

Несмотря на повсеместное язьвинское окружение (среди соседей, работников магазинов), нередко были ответы вроде «*иногда говорим по-пермяцки, а больше-то по-русски*». Указывалось, что некоторые собеседники могут сделать вид, что не понимают язьвинский. Дважды признавалось, что язьвинский иногда используется с тем, «*чтобы дети не понимали*».

На вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы в школе преподавали язьвинский?» получены результаты: «да» – 2, «нет» – 3. Возможно, свою отрицательную роль сыграло неприятие язьвинского идиома в позднее советское время: встретилось даже утверждение, что «*этот язык, как сорняк*». Информанты сами видят бесперспективность языка: «*всё равно загниётся*».

К сожалению, на вопросы о том, слышали ли информанты в детстве песни, сказки на родном языке, было дано крайне мало положительных ответов: «Слышали ли Вы песни на языке?» – 2 положительных ответа (оба раза речь шла о частушках), «Рассказывали ли Вам в детстве сказки на языке?» – 2 положительных ответа. Никто из давших положительные ответы не смог воспроизвести фольклорные тексты хотя бы частично.

Интересные результаты были получены при ответах на список утверждений, например: 1) «Люблю говорить на этом языке»: «да» – 5, «нет» – 1; 2) «По-моему, важно хорошо владеть этим языком»: «да» – 1, «нет» – 2, затруднились ответить – 2; 3) «Хочу, чтобы дети/внуки говорили на этом языке»: «да» – 2, «нет» – 4, затруднились ответить – 1; 4) «Скучаю по этому языку»: «да» – 3, «нет» – 2; 5) «Этот язык очень выразителен»: «да» – 6, «нет» – 2; 6) «Этот язык имеет хорошие перспективы развития»: «да» – 0, «нет» – 7; 7) «Мне стыдно говорить на этом языке»: «да» – 4, «нет» – 2; 8) «Этот язык помогает найти хорошую работу»: «да» – 0, «нет» – 6; 9) «Этот язык помогает в получении обра-

зования): «да» – 0, «нет» – 8; 10) «Этот язык помогает самореализации»: «да» – 0, «нет» – 7; 11) «Забываю/теряю этот язык»: «да» – 6, «нет» – 2.

Один раз после утверждения: «Этот язык очень выразителен» – был получен комментарий, что язьвинский идиом гораздо красивее кудымкарского варианта (то есть литературного стандарта коми-пермяцкого языка). Здесь специально не обсуждается утверждение: «Этот язык помогает мне чувствовать свою принадлежность к народу, говорящему на этом языке», – потому что оно вызывало наибольшие затруднения у информантов. Только в одном случае был получен однозначный ответ: «горжусь!».

На вопрос: «Что бы Вы могли предложить для улучшения языковой ситуации в Вашем поселке?» – в числе прочих были получены ответы, что нужно «больше преподавания и больше учебников», «больше общения бабушек с внуками».

Во время опросов при проведении экспедиций 2017 и 2018 гг. информанты отвечали, что их родители и соседи в детстве говорили только на коми-язьвинском языке: *Это там всё это в деревне-то [деревня Ветлянка], всё пермяцкие. Я же коми-пермяк... коми-язьвинская всё там [сторона], мы даже не умели в детстве-то разговаривать по-русски-то, вот слышите, я вот сейчас ещё... [ПМ-2017: Верх-Язьва]. Вообще, когда я родилась в Соликамском районе, два года было, когда меня привезли. Даже мама говорит, девочки неправильно разговаривают, они же всё по-пермяцки [ПМ-2018: Антипина]. А в тех краях в своё время чисто говорили – только на коми-язьвинском. <...> Как бы тех уже нету, которые говорили чисто-чисто-чисто. Ведь были деревни, которые даже не знали русского языка, вот просто между собой общаются, а всё остальное от них далеко чуждо было [ПМ-2017: Верх-Язьва]. Дело в том, что коми-язьвинский язык-то в общем был распространён больше там, мы... [деревня Жолубаева] только дома разговаривали [ПМ-2017: Верх-Язьва].*

Те же сведения приводит и Г. Н. Чагин: «У многих людей 40–45 лет и старше первым языком был коми-язьвинский. Он усваивался ими в детстве, в семье, т. е. в родной этнической среде. Но по мере социализации личности уровень языковой и коммуникативной компетенции обычно оставался низким. В этой ситуации выход был один – в освоении русской речи, такой, какая она была у местного населения. Как вспоминают уроженцы деревень, еще во второй половине 1960-х гг. для многих детей освоение русского языка начиналось тогда, когда они пошли учиться в школу. Выделяется и другая категория билингвов, которые одновременно с коми-язьвинским осваивали и русский язык» [Чагин 2012, 20].

8. Некоторые выводы о современном состоянии коми-язьвинского языка и перспективы развития

Н. Е. Ончуков, преподаватель кафедры русского языка и словесности педагогического факультета Пермского университета, по результатам личных наблюдений в 1923 г. писал: «В Верх-Язьвинской волости, прежде такой пермяцкой, теперь сильно обрусевшей, своеобразный полурусский, полупермяцкий говор, но здесь русская стихия берет свое: старики еще отлично говорят по-пермяцки, люди средних лет уже плоховато, а молодежь и дети по-пермяцки почти уже не понимают» [Ончуков 1924, 32]. Сейчас ситуация стремится к тому, что люди младшего поколения уже совсем не понимают языка, среднее поколение за редким исключением понимает его с трудом, а люди старшего поколения, проходя через стадию билингвизма, смешивают в речи оба языка, окончательно утрачивая родной язьвинский язык.

Лексический запас современных носителей коми-язьвинского языка довольно беден: *Очень много слов утеряно, очень много, мы щас уже... ну, процентов-то 30 точно, в лексиконе и всё преобладают уже русские слова [ПМ-2017: Верх-Язьва]. А щас уже половина слов русских там. А некоторые слова я сама не знаю. Скажут такое слово. Название какое-то, [каких-то] животных, я вообще не знаю, как это. Всё равно мы уже больше по-русски. Это так между собой мы [ПМ-2018: Антипина]. Ну поля-то... правильно-то откуда. Нёрёс, например. Я ничё не понимаю, нёрёс, что это слово, ни по-русски, ни по-пермяцки я перевести не могу [ПМ-2017: Верх-Язьва]. (Ср. коми-перм. нёрыс, нёрёс ‘холм, возвышенность между лощинами’.)*

Результаты опроса по социолингвистическим анкетам показывают, что многие из опрошенных язьвинцев, хотя понимают свой язык и говорят на нем, но не пишут и не читают (попросту на языке нет литературы или СМИ). Никто из опрошенных не озабочен тем, чтобы передавать язык детям и внукам (язык, по их мнению, не имеет никаких перспектив, не помогает самореализации и в получе-

нии образования). К этому достаточно прибавить, что язьвинский изучается в двух местных школах, но, во-первых, на факультативной основе, а, во-вторых, всего час в неделю.

Сложно сказать, с чем связано быстрое угасание интереса к поддержке коми-язьвинского языка. Незначительное количество носителей языка, отсутствие письменных традиций, отсутствие широких функций создаваемого литературного варианта – всё вместе стало причиной постепенного забвения. В 2013 г. из Администрации Пермского края ушел Сергей Васильевич Неганов (был руководителем Департамента внутренней политики), очень активный сторонник изучения родного языка язьвинцами. Примерно тогда же прекратилась деятельность Некоммерческого партнерства «Общественный центр этнокультурного развития коми-язьвинского народа». При этом еще в 2002 г. С. В. Неганов опубликовал довольно подробную «Программу возрождения, сохранения и развития коми-язьвинского народа» [Неганов 2002], однако в жизнь, насколько нам известно, до сих пор не был воплощен ни один из пунктов этой программы.

Некоторые информанты относятся к идее сохранения языка негативно: *Я пермяцкий-то не считаю за язык. Его же нигде не применишь. Это английский или немецкий бы там. Это просто тут между собой это помогает. А так? Зачем он нужен. Это только свою культуру сохранить, свою родословную. А так он нигде не пригодится, мне кажется. То, что эти малые народы щас возрождают, вот из-за этого. [Дети, внуки не говорят?] Не-е. Мы не стараемся, зачем [ПМ-2018: Антипина].*

Сферой применения коми-язьвинского языка по-прежнему остается бытовое общение с людьми старшего возраста, некоторыми родственниками и соседями: *И так вот, тоже, понимать – понимаю, а говорить. Ну, вообще-то, если кто-то знающий, мы сможем с ним общаться [ПМ-2017: Верх-Язьва]. С тёщей мы разговаривали по-своему, она и по-русски-то толком не разговаривала [ПМ-2018: Верх-Язьва]. Если кто-то свои приедут, то, конечно, на коми-язьвинском говорим [ПМ-2018: Ванькова]. Большинство молодёжи сейчас по-русски разговаривает, это только со старыми людьми. Соседи... А Галья-то с Колчима, а Артем-то понимает, но тоже не может разговаривать-то, только по-русски. Щас уже всё, щас уже редко кто так разговаривает. У меня братья, сестры, они в городе живут, они по-русски. Ну, бывает иногда, слово скажут. По-русски в основном общаемся. Это мы с мамой можем. Ну, она, ей уже 90 лет будет. И вот сестра [ПМ-2018: Антипина].*

Все опрошенные информанты разговаривают с детьми и внуками по-русски: *А с внуками по-русски разговариваем. Говорим иной раз по-пермяцки-то, они повторяют, да смеются токо [ПМ-2018: Ванькова]. Ну мы с детьми-то по-русски разговариваем, ну они понимают [по-коми-язьвински], а разговаривают-то смешно очень. <...> Их уже не проведёшь, они всё равно понимают. Дети уже взрослые. Ну одна-то внучка старшая, она ещё понимает. Детям-то уж 40 и 39 [ПМ-2018: Антипина]. Здесь [в Верх-Язьве] 60 лет живу дак, мало разговариваю, никогда почти не разговариваем, у нас дети и не умеют, они не знают [ПМ-2017: Верх-Язьва]. У нас вот старшие дети, они ещё как-то между собой, бабка живая была. <...> А вот эта, малая, она уже нет, ей это не надо [ПМ-2018: Верх-Язьва].*

Помимо этого, в последних коми-язьвинских деревнях создалась сложная социальная обстановка: после закрытия сельхозпредприятия в середине 2000-х не стало работы, население уезжает: *Вот так вот и жили, а щас всё распалось. <...> [Свекровь] говорила: «Поля все зарастут». – «Как зарастут?» – «Людей не будет». – «Как это не будет?» У нас стоко народу было рабочих, а техники, вот такая техника, мы заготовляли сена, сенажа, косилки, сено-то только одно три тысячи с половиной тонн заготовляли! <...> Мы с такой-то техникой? Как поля у нас зарастут? У нас же ездили в Соликамский район туда в Половодово, там заготовляли сено, с этой техникой. Я думаю, как это? Да ну, не может быть, что у нас всё распадётся. А ну и что? Вот оно. Её нету 19 лет, вот и ничего нету уже. «Деревни, говорит, будут распадаться». Что, считайте, Коновалова, только один человек сейчас, Степан-то этот живёт. В Ваниной вообще никто не живёт, в Егорово тоже уже никого, там один дом, там вот, где эти телятники-то у нас стояли все, тоже один дом. Также деревня большая была. Симанова, то же самое осталось там. <...> Также у нас в деревне большинство спились, потому что работы нету. От такой жизни большинство и спились. Кто, мы вот посильнее были, тут сын, хозяйством да что занялись, живём ещё. А так. Кто на пенсии, кто. Здесь в основном уже все пенсионеры, мало кто... молодёжь. <...> В прошлом году у нас даже первого класса не было в Паршаковской школе [ПМ-2018: Ванькова].*

В целом будущее родного языка коми-язьвинцами видится пессимистично: *Так вот именно, а уйдёт. Вот наши внуки, они не разговаривают по-пермяцки уже, потому что мать, хотя она паршаковская у них, они дома в семье не разговаривали на коми-язьвинском, мы-то разговаривали, а они-то*

уже не разговаривали, мы своих детей растили, они-то понимают <...>, сколько-то ещё понимают, знают еще какие-то [слова], а вот внуки наши уже всё, они дома уже по-русски разговаривают, а по-коми-язьвински нет. Не знаю, что дальше будет [ПМ-2018: Ванькова].

Без преувеличения можно заключить, что с точки зрения жизнеспособности по шкале ЮНЕСКО [Замятин, Пасанен, Саарикиви 2012, 26–28] коми-язьвинский язык относится к языкам, находящимся на грани исчезновения.

Общеизвестно, что «школа играет важную общественную роль в выборе между уничтожением, возрождением или поддержкой языков. Значение школы, помимо развития знания языка у ребенка, заключается еще и в формировании отношения: язык, который не используется в преподавании, легко начинает восприниматься как бесполезный и не имеющий никакой ценности» [Там же, 157]. Однако только преподавания родного языка в школе явно недостаточно для улучшения ситуации с языком, находящимся под угрозой исчезновения. Описанный в книге «Как и зачем возрождать языки народов России?» опыт ревитализации языков показывает, что необходимы применение различных методов и постоянная комплексная работа, а не только преподавание языка детям и развитие национальных СМИ [Там же, 164].

Из начальных, минимальных мер по поддержке коми-язьвинского языка можно предложить окончательное закрепление норм графики и орфографии, издание художественной литературы на коми-язьвинском (для начала хотя бы переводной), подготовку полноценных и периодических язьвинских полос в местной районной газете «Красная Вишера», а также медиаконтента в соцсетях и Википедии. Безусловно, нуждается в пересмотре и преподавание языка в школе, в том числе необходим выпуск новых учебных пособий. На сегодняшнем этапе нужно говорить не только о преподавании родного языка в школе, а о комплексной ревитализации языка, включающей меры по повышению его престижа. Значительно увеличить административные возможности и эффект предпринимаемых мер могло бы включение коми-язьвинцев в перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

СОКРАЩЕНИЯ

ПМ – полевые материалы экспедиций авторов (с указанием года записи и населенного пункта).

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р. М. О месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002. С. 131–139.
- Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? / Отв. ред. Я. Саарикиви. Хельсинки: [б. и.], 2012. 180 с.
- Кельмаков В. К. Опыт создания письменности для коми-язьвинцев (А. Л. Паршакова, Коми-язьвинский букварь. Учебное издание, Пермское книжное издательство, 2003. 135 с.) // *Linguistica Uralica*. 2004. Т. XL, вып. 2. С. 135–147.
- Кривошекова-Гантман А. С. О некоторых закономерностях развития грамматического строя (на материале пермских языков финно-угорской группы) (1969) // Собрание сочинений в двух томах. Том 1: Грамматика. Диалектология. Лексика и фразеология. Проблемы развития языка. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. С. 89–101.
- Лобанова А. С., Кичигина К. С. Русско-коми-язьвинский словарь. Пермь: Перм. госуд. гуман.-педагог. ун-т, 2012. 244 с.
- Лыткин В. И. Введение // Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Ч. 1. Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. С. 5–12.
- Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 268 с.
- Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. Санкт-Петербург: Маматов, 2014. 413 с.
- Неганов С. В. Программа возрождения, сохранения и развития коми-язьвинского народа // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья: Материалы международной научно-практической конференции. Пермь: Перм. ун-т, 2002. С. 141–147.
- Ончуков Н. Е. Поездка в Чердынский край летом 1923 года // Пермский краеведческий сборник: вып. 1. Пермь: Типография Райпотребсоюза, 1924. С. 29–32.
- Паршакова А. Л. Язык – душа моего народа // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья: Материалы международной научно-практической конференции. Пермь: Перм. ун-т, 2002. С. 105–106.

- Паршакова А. Л.* Коми-язьвинский букварь. Учебник для общеобразовательных школ. Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. 135 с.
- Паршакова А. Л.* Лёддьетан книга = Книга для чтения: хрестоматия на коми-язьвинском языке. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 203 с.
- Пономарева Л. Г.* О некоторых особенностях в области консонантизма языка язьвинских коми // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 1. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2005. С. 45–62.
- Сморгунова Е. М.* История и основы создания азбуки для коми языка // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья: Материалы международной научно-практической конференции. Пермь: Перм. ун-т, 2002. С. 85–104.
- Тепляшина Т. И., Лыткин В. И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М.: Наука, 1976. С. 97–228.
- Туркин А. И.* К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. Малоизвестные страницы жизни. II // *Linguistica Uralica*. 1995. Т. XXXI, вып. 4. С. 288–293.
- Усачёва М. Н.* Эксперименты в полевой лингвистике как метод сбора данных и проверки научных гипотез (на материале пермских языков) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 1. С. 149–160.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 432 с.
- Цыпанов Е. А.* Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2008. 288 с.
- Чагин Г. Н.* Коми-язьвинские пермяки – древний народ Северного Урала. Красновишерск; Соликамск: Соликамск. тип., 2002. 16 с.
- Чагин Г. Н.* Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI века. Екатеринбург: Сократ, 2011. 256 с.
- Чагин Г. Н.* Билингвизм коми-язьвинцев и его отражение в топонимии бассейна реки Язьва // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012. Вып. 16. С. 13–24.
- Чагин Г. Н.* Вклад Арвида Генетца и Василия Лыткина в изучение коми-язьвинского языка // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: Материалы международной научно-практической конференции. Пермь: Прикамский социальный ин-т, 2015. С. 335–343.
- Чагин Г. Н.* Коми-язьвинцы, их этническая территория и численность // Историческая демография. 2016. № 2 (18). С. 15–16.
- Чагин Г. Н.* Репрезентация этничности у коми-язьвинцев в конце XX – начале XXI века // Лики культуры в эпоху социальных перемен: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2018. С. 182–185.
- Чагин Г. Н., Шестакова Е. Н.* Современная социокультурная среда язьвинцев // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. №7 (23). С. 103–114.
- Bartens R.* Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238) 2000. 372 s.
- Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, (Bibliotheca Uralica 13) 2005. 405 s.
- Genetz A.* Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, (Journal de la Société Finno-Ougrienne XV, 1) 1897. 57 s.
- Kövesi M.* A permi nyelvek ősi képzői. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. 432 o.

Поступила в редакцию 03.09.2019

Гайдамашко Роман Валентинович,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН
199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

доцент,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
E-mail: gaidamashko@gmail.com

Шкураток Юлия Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: shkuratok@mail.ru

R. V. Gaidamashko, Yu. A. Shkuratok

THE CURRENT STATE OF THE KOMI-YAZVA LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-576-590

In this article we present the current state of the Komi-Yazva language through field recordings from recent expeditions of 2017–2018, results of the sociolinguistic questionnaires and personal observations. The main part of the article is prefaced by the brief review of scientists' opinions on the status of the Komi-Yazva idiom and the explanation of what constitutes the term “Komi-Yazva language” used in the article. The information on the number of Komi-Yazva speakers according to the censuses' data is given and the number of native speakers of the language at present time is estimated. The conclusion is made that the number of the population speaking the Komi-Yazva language in the second half of the 20th century rapidly decreased. The article describes the processes of revival of the national culture and formation of the ethnic identity of the Komi-Yazva speakers “from above” in the 1990s–2000s. The problem of teaching the native language in schools and the state of publishing activities on the Komi-Yazva language are analyzed in detail. The article reveals the results of a sociolinguistic questionnaire survey, which contains a number of questions concerning the ethnolinguistic situation (including ethnic identity). All sections of the article are accompanied by excerpts from the 2017–2018 field recordings made by the authors. Based on the adduced data, in the conclusion we assess the current state of the Komi-Yazva language. According to the UNESCO language endangerment scale, the Komi-Yazva language is critically endangered. Finally, some possible ways of supporting and preserving Komi-Yazva language are suggested for discussion.

Keywords: Komi-Yazva language, field recordings, sociolinguistics, language preservation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 576–590. In Russian.

REFERENCES

- Batalova R. M.** Komi-permyatskaya dialektologiya [Komi-Permyak dialectology]. Moscow, Nauka, 1975. 252 p. In Russian.
- Batalova R. M.** O meste yazyka komi-yaz'vintsev v strukture permskikh yazykov [The place of the Komi-Yazva language in the structure of Permic languages]. *Permistika 9: Voprosy permskoi i finno-ugorskoi filologii: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Permistika 9: Questions of Permic and Finno-Ugric philology: Interuniversity collection of scientific works]. Izhevsk, Udmurt University, 2002. pp. 131–139. In Russian.
- Zamyatin K., Pasanen A., Saarikivi J.** Kak i zachem sokhranyat' yazyki narodov Rossii? [How and why to preserve the languages of the peoples of Russia?]. Helsinki, 2012. 181 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** Opyt sozdaniya pis'mennosti dlya komi-yaz'vintsev (A. L. Parshakova, Komi-yaz'vinskii bukvar'. Uchebnoe izdanie, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 135 s.) [The experience of creating the writing system for Komi-Yazva people (A. L. Parshakova, Komi-Yazva Primer. Textbook, Perm Book Publishing House, 2003. 135 p.)]. *Linguistica Uralica*. 2004. V. XL, issue 2, pp. 135–147. In Russian.
- Krivoshchekova-Gantman A. S.** O nekotorykh zakonmernostyakh razvitiya grammaticheskogo stroya (na materiale permskikh yazykov finno-ugorskoi grupy) [On some patterns of development of the grammatical system (based on the material of the Permic languages of the Finno-Ugric group)] (1969). *Sobranie sochinenii v 2 t.* [Collected Works: in 2 vol.]. Tom 1: Grammatika. Dialektologiya. Leksika i frazeologiya. Problemy razvitiya yazyka [Vol. 1: Grammar. Dialectology. Vocabulary and Phraseology. Language Development Issues]. Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2006. pp. 89–101. In Russian.
- Lobanova A. S., Kichigina K. S.** Russko-komi-yaz'vinskii slovar' [Russian-Komi-Yazva Dictionary]. Perm, Permskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet Publ., 2012. 244 p. In Russian.
- Lytkin V. I.** Vvedenie [Introduction]. *Sovremennyi komi yazyk. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii*. Ch. 1. Fonetika, leksika, morfologiya [Modern Komi language. Textbook for higher education. Part 1. Phonetics, vocabulary, morphology]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1955. pp. 5–12. In Russian.
- Lytkin V. I.** Komi-yaz'vinskii dialekt [Komi-Yazva dialect]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961. 228 p. In Russian.
- Napol'skikh V. V.** Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku [Introduction to Historical Uralistics]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997. 268 p. In Russian.
- Narody Permskogo kraja: etnicheskaya istoriya i sovremennoe etnokul'turnoe razvitie. Slovar'-spravochnik* [Peoples of Perm Krai: Ethnic History and Modern Ethnocultural Development. Reference dictionary]. Saint Petersburg, Mamatov Publ., 2014. 413 p. In Russian.
- Neganov S. V.** Programma vozrozhdeniya, sokhraneniya i razvitiya komi-yaz'vinskogo naroda [The program of the revival, preservation and development of the Komi-Yazva people]. *Komi-yaz'vintsy i istoriko-kul'turnoe nasledie Prikam'ya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Komi-Yazva people and the historical and cultural heritage of Kama region: Collection of materials of the International scientific-practical conference]. Perm, Permskii universitet Publ., 2002. pp. 141–147. In Russian.

Onchukov N. E. Poezdka v Cherdynskii krai letom 1923 goda [A trip to Cherdyn Krai in the summer of 1923]. Permskii kraevedcheskii sbornik: vyp. 1 [Perm local history collection. Issue 1]. Perm, Tipografiya Raipotrebsoyuz, 1924. pp. 29–32. In Russian.

Parshakova A. L. Yazyk – dusha moego naroda [Language is the soul of my people]. Komi-yaz'vintsy i istoriko-kul'turnoe nasledie Prikam'ya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Komi-Yazva people and the historical and cultural heritage of Kama region: Collection of materials of the International scientific-practical conference]. Perm, Permskii universitet Publ., 2002. pp. 105–106. In Russian.

Parshakova A. L. Komi-yaz'vinskii bukvar'. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh shkol [Komi-Yazva primer. Textbook for comprehensive schools]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 135 p. In Russian.

Parshakova A. L. Lødd'otan kniga = Kniga dlya chteniya: khrestomatiya na komi-yaz'vinskom yazyke [Lødd'otan kniga = Book to read: anthology in the Komi-Yazva language]. Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2008. 203 p. In Russian.

Ponomareva L. G. O nekotorykh osobennostyakh v oblasti konsonantizma yazyka yaz'vinskikh komi [About some features in the field of consonantism of the Komi-Yazva language]. Trudy Instituta yazyka, istorii i traditsionnoi kul'tury komi-permyatskogo naroda. Vyp. 1 [Proceedings of the Institute of Language, History and Traditional Culture of the Komi-Permyak People. Issue 1]. Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2005. pp. 45–62. In Russian.

Smorgunova E. M. Istoriya i osnovy sozdaniya azbuki dlya komi yazyka [History and basics of creating the alphabet for the Komi language]. Komi-yaz'vintsy i istoriko-kul'turnoe nasledie Prikam'ya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Komi-Yazva people and the historical and cultural heritage of Kama region: Collection of materials of the International scientific-practical conference]. Perm, Permskii universitet Publ., 2002. pp. 85–104. In Russian.

Teplyashina T. I., Lytkin V. I. Permskie yazyki [Permic languages]. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya (mariiskii, permskie i ugorskie yazyki) [Basics of Finno-Ugric linguistics (Mari, Permic and Ugric languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. pp. 97–228. In Russian.

Turkin A. I. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Lytkina. Maloizvestnye stranitsy zhizni. II. [On the occasion of the centenary of the birth of V. I. Lytkin. Little-known pages of life. 2]. Linguistica Uralica. 1995. V. XXXI, issue 4, pp. 288–293. In Russian.

Usacheva M. N. Eksperimenty v polevoi lingvistike kak metod sbora dannykh i proverki nauchnykh gipotez (na materiale permskikh yazykov) [Experiments in field linguistics as a method of gathering the data and of checking scientific hypotheses (based on Permic languages)]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, vol. 13, issue 1, pp. 149–160. In Russian.

Hajdu P. Ural'skie yazyki i narody [Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress Publ., 1985. 432 p. In Russian.

Tsypanov E. A. Sravnitel'nyi obzor finno-ugorskikh yazykov [Comparative review of Finno-Ugric languages]. Syktyvkar, OOO "Izdatel'stvo "Kola", 2008. 288 p. In Russian.

Chagin G. N. Komi-yaz'vinskii permskiy – drevnii narod Severnogo Urala [Komi-Yazva Permyaks – the ancient people of the Northern Urals]. Krasnovishersk; Solikamsk, Solikamskaya tipografiya, 2002. 16 p. In Russian.

Chagin G. N. Istoricheskie znaniya narodov Urala v XIX – nachale XXI veka [Historical knowledge of the peoples of the Urals in the 20th – early 21st century]. Ekaterinburg, Sokrat Publ., 2011. 256 p. In Russian.

Chagin G. N. Bilingvizm komi-yaz'vintsev i ego otrazhenie v toponimii basseina reki Yaz'va [Komi-Yazva bilingualism and its reflection in the toponymy of the Yazva river basin]. Problemy sotsio- i psikholingvistiki [Problems of socio- and psycholinguistics], 2012, issue 16, pp. 13–24. In Russian.

Chagin G. N. Vklad Arvida Genettsa i Vasiliya Lytkina v izuchenie komi-yaz'vinskogo yazyka [Contribution of Arvid Genets and Vasily Lytkin to the study of the Komi-Yazva language]. Yazykovaya tolerantnost' kak faktor effektivnosti yazykovoii politiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Language tolerance as a factor in the effectiveness of language policy: Collection of materials of the International scientific-practical conference]. Perm, Prikamskii sotsial'nyi institut Publ., 2015. pp. 335–343. In Russian.

Chagin G. N. Komi-yaz'vintsy, ikh etnicheskaya territoriya i chislennost' [Komi-Yazva people, their ethnic territory and number]. Istoricheskaya demografiya [Historical demography], 2016, issue 2 (18), pp. 15–16. In Russian.

Chagin G. N. Reprezentatsiya etnichnosti u komi-yaz'vintsev v kontse XX – nachale XXI veka [Representation of ethnicity of Komi-Yazva people at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries]. Liki kul'tury v epokhu sotsial'nykh peremen: Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii [Faces of culture in the era of social change: Collection of materials of the All-Russian conference with international participation]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2018. pp. 182–185. In Russian.

Chagin G. N., Shestakova E. N. Sovremennaya sotsiokul'turnaya sreda yaz'vintsev [Modern sociocultural environment of Yazva people]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya [Perm University Herald. History], 2008, issue 7 (23), pp. 103–114. In Russian.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys [Structure and Development of Permic Languages]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 372 s. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238). In Finnish.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache [Reconstruction of the Permian Protolanguage]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 s. (Bibliotheca Uralica 13). In German.

Genetz A. Ost-permische Sprachstudien [East-Permian Language Studies]. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1897. 57 s. (Journal de la Société Finno-Ougrienne XV, 1). In German.

Kövesi M. A permii nyelvek ősi képzői [Ancient formers of the Permian languages]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. 432 o. In Hungarian.

Received 03.09.2019

Gaidamashko Roman Valentinovich,
Candidate of Science (Philology), Research Scientist
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
9, Tuchkov pereulok, 199053, St. Petersburg, Russian Federation

Associate Professor

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika river emb., 191186, St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: gaidamashko@gmail.com

Shkuratok Iuliia Anatolyevna,
Candidate of Science (Philology), Associate Professor
Perm State University
15, Bukireva st., 614990, Perm, Russian Federation
E-mail: shkuratok@mail.ru